

Гуань-дасао как раз разговаривала с Цинь Хэ, когда увидела, что у бездельничающего Куй У в руках появилось два пустых блюда. Он вышел наружу буквально на мгновение и вернулся уже с доверху наполненными. Гуань-дасао пригляделась: в одном блюде вперемешку лежали молочные таблетки и конфеты, а вторая глубокая миска была полным-полнѐхонька молочных бобов.

И тут она увидела, как Куй У спокойно по одной отправляет их в рот.

А ведь она прекрасно знала цену этим молочным бобам: больше семидесяти вэней за цзинь! Молочные таблетки и конфеты, хоть и дешевле, около тридцати с чем-то, но и те вовсе недешѐвые. А этот здоровяк просто сидит и лопает их горстями, будто обычный перекус!

У Гуань-дасао аж сердце схватило - глядеть больно. Она украдкой посмотрела на выражение Цинь Хэ... и действительно увидела у него на лице искреннюю боль. Тогда Гуань-дасао наконец расслабилась, будто выдохнула: ну да, вот так расточительно есть могут только богатеи. Простому мелкому торговцу такого не выдержать. Еѐ даже почему-то порадовало, оказывается, у Цинь Хэ тоже сердце щемит. А значит они такие же, как все «маленькие» торговцы: вроде бы и зарабатывают, но каждую копейку считают.

Но не успела Гуань-дасао как следует перевести дух, как услышала, как Цинь Хэ говорит:

— Утро было таким хлопотным, муж, ты, должно быть, проголодался. Сегодня вечером дома я приготовлю побольше сачимы и колбасы, чтобы потом, когда будем выходить торговать, у тебя всегда был перекус, если проголодаешься.

Кинув взгляд на солнце и прикинув время, Цинь Хэ добавил:

— Чуть погодя сходи в магазин, купи побольше риса, и ещё купи десяток яиц. На обед я сделаю жареный рис с яйцом.

Куй У высыпал оставшиеся в тарелке молочные бобы себе в ладонь, одним махом закинул их в рот и кивнул:

— Хорошо.

А Гуань-дасао уже онемела от шока. В голове что-то щёлкнуло, она открыла рот и наконец с трудом выдавила:

— Утром... эти двадцать лепѐшек ху-бин - это вы... сами для себя покупали?

— Угу, — Цинь Хэ улыбнулся. — Мы с мужем много едим, у нас аппетит хороший.

Гуань-дасао: «...»

Она уже вообще не знала, что сказать. И правда, стоит сравнить людей - и помереть можно; стоит сравнить товар - и выбросить хочется*.

(ПП: пословица, выражающая зависть и чувство несоразмерности между людьми)

Она пришла попить горячего сухого молока за три вэня, и то казалось ей излишеством. А эти двое? Продают дорогущие лакомства и сами же их едят горстями. Не просто едят, едят много, не экономят, не ограничивают себя, ещё и три раза в день полноценно питаются!

Гуань-дасао снова подумала о тёплом шатре и внезапно поняла: скорее всего, этот огромный тёплый навес - тоже дело рук мужа, который балует своего супруга. У Гуань-дасао от этих мыслей тяжело сжалось сердце: вот же люди... Все одинаково замуж выходят, но одних муж балует, а у других... лучше не вспоминать.

— Хозяин! — не дав ей предаваться грустным размышлениям, кто-то резким движением поднял полог.

Внутри вошёл мужчина в чиновничьей форме. Едва он переступил порог, как на него пахнуло жаром. После долгой дороги попасть в такой тёплый шатер - это было настоящее блаженство; чиновник даже с облегчением выдохнул.

Он с грохотом сгрузил на стол десятка два кожаных фляг:

— Наполни все эти бурдюки. И ещё отсыпь мне пять шэнов молочного порошка, расфасуй по одному шэну каждый.

— Хорошо! — Цинь Хэ поспешно поднялся, но прежде всего налил чиновнику горячий напиток.
— На дворе стужа, господин столько шёл, должно быть, промёрзли. Выпейте, согрейтесь. Это от заведения, денег не надо.

Чиновник, которого товарищи выпихнули за покупками, весьма удовлетворённо приподнял бровь: этот продавец понимает, как надо обращаться с людьми.

Цинь Хэ никогда не жалел таких мелочей: одна чашка горячего молочного напитка стоила гроши, а вот сердце людям согревала крепко. И дружбу с чиновником можно завязать, и для торговли польза. Вполне возможно, он станет постоянным покупателем - у таких дома с деньгами лишний раз не скупятся. Так что выгода была в каждом глотке.

Цинь Хэ проводил чиновника, а затем попросил Куй У сходить в соседнюю закусочную и купить большой котёл риса. Из десяти яиц он быстро сообразил огромную порцию жареного риса с яйцом. Они с Куй У успели пообедать, и как раз вскоре после этого тот самый чиновник

вернулся в ямен. Разделив принесённый молочный порошок между коллегами, он вместе с несколькими товарищами отправился к самому фуиню, чтобы поднести ему приготовленный «подарок».

Ху Дачжи, переминаясь с ноги на ногу и нервно потирая ладони, выступил вперёд:

— Господин фуинь, это западная сладость... э-э... лакомство из Сиюя, — сказал он, — говорят, тамошняя знать очень любит такие вещи. Вот мы и осмелились принести вам на пробу.

Поскольку они находились на землях Канцзин-вана - мудрого и справедливого феодала, не терпевшего притеснения народа и злоупотреблений властью, фуинь здесь тоже был человеком честным. Он никогда не обирал подчинённых и не принимал взятки. Поэтому и сейчас не подумал фыркнуть на подарок стоимостью всего пару десятков монет. Напротив, его искренне тронуло внимание: раз уж подчинённые помнят о нём даже в мелочах, значит, держат его в сердце.

Фуинь мягко принял мешочек молочного порошка, и тут же, на глазах у всех, велел приготовить чашу горячего напитка. Изначально он сделал это лишь для того, чтобы приободрить людей, показать, что подарок принят, отношения равные. Но стоило попробовать первый глоток, как выражение у него полностью изменилось. Нежный вкус, мягкость и насыщенный аромат ничем не напоминали обычное коровье или козье молоко - он мгновенно понял, что ему нравится именно этот порошок.

Мысль тут же переключилась на мать - старую госпожу в заднем дворе, которая то и дело жаловалась на тошноту от местного молока. «Вот бы ей попробовать», - мелькнуло у фуиня. А поскольку в ямене дел сейчас почти не было, он решил не откладывать и сам отправился домой.

Он прежде всего направился к покоям матери: старушка как раз дремала после обеда. Тревожить её он не стал, тихо оставил на столике половину принесённого молочного порошка и вышел так же бесшумно, как вошёл. После этого отправился к супруге.

Госпожа-фуинь сидела с маленьким сыном на коленях, играя с ним. Завидев вошедшего отца, ребёнок сразу вытянул к нему обе ручки, требуя, чтобы его взяли на руки. Фуинь тут же поднял сына, прижал к себе, и ребенок немедленно потянулся к его лицу, шумно втягивая носом воздух.

— Молоко... молоко... — пробормотал он.

У фуиня в первый миг лицо потемнело: он решил, что сын ещё не до конца отвык от грудного вскармливания. Но уже в следующую секунду вспомнил - он ведь только что пил молочный напиток. Похоже, малыш почуял запах и теперь уверяет, что отец «пил молоко».

А вот госпожа-фуинь по-настоящему испугалась. У нее еще стояло перед глазами, как

несколько дней назад муж сурово потребовал, чтобы сын окончательно бросил грудь - требование твёрдое, без оговорок. Она даже вздрогнула, мгновенно забрала ребёнка из рук мужа и, стараясь улыбнуться умиротворяюще, сказала:

— Шиилан раньше всё никак не мог отучиться только потому, что прежняя кормилица слушалась лишь на словах. Перед нами кивала, уверяла, что кормить не будет, а за спиной тайком давала ему грудь. Вот малыш и не мог отвыкнуть... С тех пор как мы выгнали ту кормилицу, он и правда перестал просить молоко. Я и сама не знаю, что на него сегодня нашло, что он вдруг опять заговорил о молоке. Наверное, просто устал и капризничает. Я велю служанке унести его и укачать, он быстро уснёт.

Фуинь молча кивнул, позволяя жене распорядиться. Когда служанка унесла Шиилана, он велел приготовить супруге чашу молочного порошка, чтобы та тоже попробовала.

Госпожа-фуинь сделала несколько глотков и вздохнула с явным облегчением и радостью:

— Хорошо, что ты только после того, как Шиилана увели, вынул эту вещь. Иначе он и правда никогда бы не отвык. Да что там ребёнок, мне самой это очень понравилось.

С ребёнком фуинь был строг, но с женой его голос сразу стал мягче:

— Раз супруге нравится, пей больше. Я велю ещё купить.

Слова едва успели прозвучать, как подошла служанка из покоев старой госпожи:

— Господин, госпожа, ваша матушка проснулась. Она попробовала молочный порошок, что вы оставили, ей очень понравилось. Передала, чтобы впредь покупали его почаще.

Госпожа-фуинь поспешно согласилась и сразу же обернулась к мужу:

— Тогда я сейчас же пошлю человека купить. Скажи, где продают?

Фуинь ответил:

— Выйти через средние ворота во Внутренний город, дальше по главной улице Внешнего города. Заведение называется «Заведение семьи Куй». Говорят, у них там стоит особый небольшой шатёр - очень приметный, не пропустишь.

Госпожа-фуинь переспросила:

— Семья Куй?

Фуинь удивлённо поднял бровь:

— Что, супруга слышала об этой семье?

Госпожа-фуинь кивнула:

— От закупщика слышала - наши молочные таблетки и молочные бобы тоже от них.

Фуинь рассмеялся:

— Неудивительно. Я ещё думал, отчего в городе вдруг везде появились «западные яства», уж не новая ли мода. А выходит, всё от одной семьи. Вот теперь стало понятно.

Госпожа-фуинь решила:

— Я велю купить один доу.

Для такой большой семьи, как у фуиня, один доу - совсем немного: старая госпожа, сам фуинь, госпожа-фуинь, двое сыновей от неё, их законные супруги - разве что им хватит по чашке. А уж наложницы, побочные сыновья и дочери и вовсе, кому повезёт, тому достанется лишь попробовать.

А у Цинь Хэ и Куй У столько молочного порошка просто не было. Он опасался, что вначале товар может не разойтись - вдруг людям не понравится. Кто же знал, что фуинь сразу закажет целый доу! Да ещё за утро расхватали второй доу мелкими порциями, и молочный порошок был полностью продан.

Когда вечером они вернулись домой, все шуйцзяньбао с начинкой из баранины были распроданы подчистую, а со свиной осталось всего тридцать штук.

Цинь Хэ пересчитал последний медяк и, улыбаясь так, что глаза превратились в полумесяцы, воскликнул:

— Три тысячи четыреста тридцать вэнь! Далан, сегодня мы всего заработали три гуаня с лишним! Вычесть мясо, муку, приправы, уголь и наши три приёма пищи - осталось один гуань и четыреста вэней! Это же больше гуаня чистой прибыли!

— За месяц почти двадцать с лишним лян серебра, — продолжал он воодушевлённо. — И это ещё без единой проданной сахарной розы! Сахарные розы дорогие, их каждый день не продашь, а к Новому году уже почти все, кто хотел, купили.

Куй У глядел на коробку с деньгами, и сердце его так же наполнялось радостью. Сахарные розы, по правде говоря, дело разовое, вроде удачного спекулятивного товара: сегодня есть спрос, завтра уже нет. Они не могут быть постоянным доходом. А вот торговля с лотка другое дело: ремесло, не зависящее от сезона. Если людям понравился вкус, они будут возвращаться снова и снова. И это ещё при том, что молочные таблетки, молочные бобы и молочный порошок практически невозможно быстро скопировать, значит, пока что рынок полностью за ними.

Куй У, не сдержав нахлынувшего порыва, наклонился, поднял Цинь Хэ с постели, покружил по комнате, а затем прижал к матрасу и поцеловал. Поцелуй быстро стал горячее, дыхание Куй У сбилось, и он, уже не контролируя себя, начал рвать с Цинь Хэ одежду.

— Фулан, ты у меня самый лучший... и тело твоё тоже.

После бурной близости прошло с добрый полчаса. Цинь Хэ уже почти проваливался в сон, когда вдруг резко сел, словно оживший покойник.

— Ах! Завтра же нужны новые шуйцзяньбао, а мы их не налепили! И молочный порошок не приготовлен, и молочных таблеток осталось мало, и молочные бобы, и конфеты!

Рука Куй У, до этого крепко обнимавшая его за талию, мгновенно застыла, затем молча отодвинулась. Цинь Хэ возмущённо выставил ногу и лёгким пинком упёрся Куй У в бок. Но только что съеденный этим «большим медведем» маленький «червячок» уже не имел никаких сил, даже в обычные дни, когда Цинь Хэ бил изо всех сил, Куй У с его кожей да мышцами едва ли замечал толчок. Сейчас же этот пинок был бы чистой игривостью... если бы Куй У не видел, что Цинь Хэ и правда разозлился.

Куй У без слова поднялся, натянул одежду и так же терпеливо одел Цинь Хэ. После этого он пошёл на кухню ставить молоко, готовится сушить порошок и прочие заготовки на завтра.

Цинь Хэ стиснул зубы, с трудом поднялся с кровати и, волоча свое уставшее, ломящее тело, сердито сказал:

— Далан, я сам займусь. А ты сходи к матушке, узнай, придёт ли младшая сестра завтра работать. Если она передумала, нам нужно скорее искать помощника. При таком хорошем бизнесе мы вдвоем точно не справимся.

Каждый день лепить пирожки, готовить сахарные розы, молочные таблетки, молочные бобы... У него ноги в пятки заворачивались, он физически не тянул, без помощника было никак.

Куй У сразу отложил ложку:

— Я сейчас же пойду.

Он выскочил буквально бегом - и так уже вышли поздно, потом ещё их... полчаса «возни». Если не поспешить, можно и под самый комендантский час попасть. Куй У почти вприпрыжку домчался до дома Куй. Мать, увидев его в таком спешном виде, аж перепугалась, решила, что случилось что-то страшное.

Куй У поспешил успокоить:

— Нет-нет, всё в порядке, мать. Просто мы с фуланом взялись за новое дело - шуйцзяньбао. Теперь вдвоём на торговой точке не управляемся. Вот я и пришёл узнать: как младшая сестра себя чувствует? И согласится ли она продолжать у нас работать?

Куй У спрашивал открыто, не уводя никого в сторону. Два его младших брата и их жёны были тут же, и при этих словах их лица прямо вспыхнули радостью. Ещё чуть-чуть, и невестки бы сами выпалили, что младшая сестра может и не хотеть, зато вот они-то с радостью пойдут работать. Что такого, даже если их пару раз накричат? Главное деньги! Пусть их мужья теперь и занимаются сбором молока, но ведь денег много не бывает.

К тому же, хоть младшая сестра Куй и «заболела со страху» после встречи с братом, но за это время брат с его фуланом сколько всего присылали: и баранину, и молочные бобы, и молочные таблетки - такие лакомства, о которых они раньше и не слыхивали. Если бы не то, что младшая сестра дала детям по горсточке, а дети поделились с матерями, они бы и не узнали, каково это на вкус. А для младшей сестры будто и не в диковинку, словно ела всё это уже много раз.

Младшая сестра, конечно, увидела жадные взгляды двух невесток и сразу поспешила:

— Я пойду! Пойду!

Будто боялась, что брат решит и вправду разозлиться за её прежние глупые вопросы. И даже, чтобы полностью сгладить вину, поспешно добавила:

— Брат, домашние дела я уже сделала. Если что-то ещё осталось, могу прямо сейчас идти помочь!

Куй У времени терять не стал:

— Тогда пошли.

Младшая сестра ухватила плащ и буквально засеменила за братом, ни разу не оглянувшись.

Цинь Хэ увидел, что Куй У ушёл всего на минуту и уже привёл младшую сестру, и это стало для него приятным сюрпризом. Этот человек, конечно, в постели - сплошное собачье поведение, но вот вне постели крайне надёжен.

— Младшая сестра вернулась? Уже поправилась?

У брата с невесткой еда вкусная, одежда тёплая, обращаются с ней мягко; старший брат, если что вкусное попадает в дом, никогда её не обделяет; а уж про зарплату и говорить нечего - платят куда больше обещанного изначально. Младшая сестра Куй до смерти боялась, что невестка решит: раз она не выздоровела вовремя, значит, и не нужна, и возьмёт вместо неё одну из двух невесток. Потому едва увидев Цинь Хэ, она поспешно выпалила:

— Невестка, я полностью выздоровела! Я ещё давно хотела прийти, это мама переживала за меня и заставила меня дома лишние два дня отлежаться.

Цинь Хэ, потирая ноющую поясницу, мягко улыбнулся:

— Так и должно быть.

Младшая сестра Куй оказалась девчонкой весьма сообразительной: сразу поняла, что Цинь Хэ устал, и тут же предложила:

— Невестка, что нужно делать? Дайте мне работу, вы ведь сегодня и так устали.

Цинь Хэ и правда устал и потому выразительно покосился на внезапно сделавшегося «скромным» Куй У, после чего сказал:

— Иди замеси тесто. Когда замесишь, выходи и лепи с братом. А я пока на кухне займусь молочными таблетками и всем остальным.

— Хорошо, — кивнула младшая сестра Куй и сразу принялась замешивать тесто.

Цинь Хэ тем временем велел Куй У порубить начинку, сам он занимался приправами, а желе-студень, который кладут в шуйцзяньбао, остался со вчерашнего дня. Мясо же принес утром новый подмастерье мясника Чжоу: когда тот пришёл, Куй У с Цинь Хэ ещё не вернулись, так что парень просто перемахнул через забор, сложил мясо в углу двора и ушёл. Расплачиваться потом дело обычное: мясник Чжоу давно знаком с Куй У и отлично знает его характер, так что не сомневался, что деньги он получит.

Цинь Хэ показал один слепленный им пирожок-шуйцзяньбао в качестве образца, и младшая сестра сразу поняла, какой формы и размера их нужно лепить. Дома она помогала матушке не раз, и хотя там вкуса особого не добивались, сама техника лепки была ей знакома. Так что сложностей не возникло: работала она и быстро, и аккуратно, по размеру и количеству начинки её пирожки почти не отличались от тех, что лепил сам Цинь Хэ. Она успевала слепить три, пока Куй У лишь один.

— Далан, иди сюда, перемели молочный порошок.

Куй У был самым сильным в доме, поэтому именно он всегда занимался тем, что размалывал твёрдое молоко в порошок - это сразу считалось его обязанностью. К тому времени, как Цинь Хэ закончил делать молочные таблетки, молочные бобы и молочный порошок, у младшей сестры Куй всё уже было готово: и пирожки, и пельмени. Она так боялась, что Цинь Хэ передумает и заменит её кем-то другим, что буквально работала изо всех сил - лепила быстро и аккуратно, по размеру и количеству начинки её изделия почти не отличались от тех, что делал Цинь Хэ. Он был очень доволен.

— Младшая сестра, иди сюда, — позвал он. — Смотри, как я делаю конфеты. С завтрашнего дня их приготовление тоже будет на тебе.

Младшая сестра Куй испугалась так, что даже вздрогнула, и тут же замахала руками:

— Н-не, это... так нельзя! Это же твоя собственная техника, невестка, я не смею этому учиться!

Она боялась совершенно искренне: пока отказывалась, краем глаза следила за выражением лица Куй У, будто опасалась, что старший брат сорвётся и всыплет ей как следует.

Цинь Хэ рассмеялся:

— Не бойся. Всё это с согласия твоего старшего брата.

Он как-то раз вскользь упоминал Куй У о подделках их конфет, и тот тогда сказал, что всё, чем занимается Цинь Хэ, полностью на его усмотрение.

Но решение Цинь Хэ научить младшую сестру Куй делать конфеты возникло не внезапно, он обдумывал это давно. За время общения он успел привязаться к девочке: она была послушной, знала меру, умела быть благодарной - точно не из тех белоглазых волков, что забывают добро. К тому же конфеты уже начали подделывать, и монополии на них у него больше не было. Для него лично прибыль от них стала почти незначительной, честно говоря, он не особенно держался за этот товар.

А вот для младшей сестры Куй всё иначе. Если она выучит это ремесло, выйдя замуж, она будет человеком с настоящим мастерством в руках. Быть может, даже вся её будущая семья станет жить за счёт этого умения. Тогда и её положение в доме мужа автоматически поднимется, к ней будут относиться с уважением.

— Учись, — сказал Куй У своим тяжёлым голосом. — Раз фулан тебя учит, ты учишься как следует. Что уж тут говорить... С твоей внешностью, если у тебя не будет никакой особой способности, ты, скорее всего, замуж не выйдешь. Я ведь твой старший брат, не могу же смотреть, как ты век девицей просидишь, мне самому зазорно, а уж для рода Куй такое и вовсе позор. Так что остаётся только научить тебя ремеслу.

Младшая сестра Куй только что была до глубины души растрогана, слёзы уже стояли в глазах... и всё это испарилось после двух последних фраз её старшего брата. Вместо слёз захотелось вскочить и как следует врезать ему. Но она не смела, не потому что не хотела, а потому что не победит. Так что всё возмущение ей пришлось молча проглотить.

Цинь Хэ укоризненно покосился на Куй У, но ругать его не стал, просто продолжил учить младшую сестру Куй.

— Ну что, запомнила?

— Да, — младшая сестра Куй и правда быстро схватывала. Готовить она умела с детства, Цинь Хэ лишь объяснил ей пропорции и последовательность, и она сразу поняла, только пока работала не так ловко. Попрактикуется, и будет совсем как надо.

Цинь Хэ сказал:

— Младшая сестра, можешь сама делать конфеты, потом пусть кто-нибудь продаёт их на рынке. А сама продолжай работать у нас. Так тебе будет двойной заработок.

Но младшая сестра Куй покачала головой:

— Нет, так нельзя. У вас тут столько работы, людей не хватает. Если я ещё и своими делами займусь, мне стыдно будет брать у вас деньги? И... старший брат ведь сказал, что это ремесло к моему будущему замужеству. Тогда я и оставлю его на будущее, пока же не буду пользоваться.

Цинь Хэ кивнул:

— Ладно, как хочешь, так и будет. Только одно условие: как бы ты потом ни продавала, ни в коем случае не используй название “сделано семьей Куй”.

Раз уж подделки всё равно появились, ему было не жалко научить и младшую сестру Куй, тем более она своя. Но вот название «сделано семьей Куй» - его торговая марка, и он собирался со временем сделать её большой. Этим именем никто не должен был пользоваться.

Младшая сестра Куй поспешно закивала:

— Невестка, не беспокойся! Я... я буду делать так же, как те, кто подделывает - тихонько, втихомолку. Никогда не посмею торговать под вашим именем или под именем семьи Куй!

Сделав всё, что требовалось для завтрашней торговли, Цинь Хэ всё равно не пошёл спать. Он приготовил ещё и сачиму, и колбаски для Куй У, чтобы тот мог перекусывать завтра в течение дня. У Куй У огромный аппетит, ему иначе не наестся. А Цинь Хэ не мог спокойно смотреть,

что муж голодный, - у него сердце сжималось.

На следующее утро, увидев большой тканевый шатер, младшая сестра Куй была просто потрясена. А когда внутри развели огонь и помещение стало тёплым, она радостно захлопала в ладоши и даже подпрыгнула.

— Невестка, я всего несколько дней не приходила, а у нас уже и место новое, и ещё вот такая чудесная штука! Теперь хоть снег валить будет - нам нипочём!

Младшая сестра Куй только успела восхититься, как занавес у входа откинули и вошёл покупатель:

— Хозяин, дайте мне тарелку шуйцзяньбао с бараньим фаршем.

— Хорошо, — откликнулся Цинь Хэ и принялся за работу.

Младшая сестра Куй встала рядом и внимательно наблюдала - она хотела как можно скорее научиться всему, чтобы в дальнейшем часть дел взять на себя. Её невестка давал ей высокую плату, значит, ей и работать нужно больше.

Накануне Цинь Хэ уже сказал ей: будет платить восемьсот вэнь в месяц. Обычный работник в заведении получает семь-восемьсот, и это без еды и жилья. А младшая сестра Куй ест у них хорошо, живёт хорошо, и ещё восемьсот получает. Естественно, она работала теперь с удвоенным рвением. Когда полностью обучится, жарить шуйцзяньбао и варить пельмени будет она; Цинь Хэ станет заниматься только деньгами и подачей, а Куй У - работой снаружи. Так у их маленького дела постепенно начал появляться порядок.

— Младшая, выпей чашку молочного порошка, — сказал Куй У, когда волна утренних гостей схлынула и у неё появилась свободная минутка. Он поспешил развести ей горячего молочного напитка.

Молочный порошок был придумал Цинь Хэ как раз в то время, когда младшая сестра Куй болела, и она его ни разу ещё не пробовала. А немного раньше, когда кто-то из гостей заказал этот напиток, Цинь Хэ заметил, как она завистливо сглотнула слюну. Вот и приготовил ей чашку, как только появилось время.

Младшая сестра Куй осушила чашку в несколько глотков, показала большой палец и искренне сказала:

— Невестка, молочный порошок такой вкусный! Ты и правда мастер, не знаю, в какой жизни мой старший брат такое счастье заслужил, что смог на тебе жениться.

Причмокнув, она, совершенно не замечая, как меняется выражение лица у обоих супругов,

продолжила:

— А тот ученый... как там его звали... Ли-что-то-там - вот уж действительно слепой. Только потому, что ты шуанъэр, решил полезть со своими грязными мыслями. Хотел обмануть, а сам и попался. Если бы он знал, какой ты на самом деле, да какие у тебя руки золотые, кишки бы у него от зависти сгнили. Я слышала, у него дома бедность страшная: чтобы съесть мясную булочку, три раза считают!

Младшая сестра Куй бросила взгляд на собственного брата, сидящего в стороне и жующего то сачиму, то колбасу, и вздохнула:

— Когда мой брат пошёл свататься к тебе, он наверняка перед порогом в собачье дерьмо наступил, иначе откуда бы у него взялась такая собачья удача жениться на такой невестке!

Цинь Хэ: «...»

Вот она какая, семейная наследственность у рода Куй... Языки как ножи. Страшно!

Цинь Хэ промолчал.

Куй У тяжело фыркнул носом:

— Да что толку от этих книжников? Ни понести, ни поднять ничего не могут. И это я вовсе не хвастаюсь, просто говорю как есть. Дай тому недомерку такую торговлю, он бы её не удержал. Вон та же сахарная роза - когда перед праздниками они шли нарасхват, он бы уже давно угодил в тюрьму и получил бы палок. А вот я, твой старший брат, - мне и стоять рядом не нужно, достаточно имя мое назвать. Ты спроси, кто жизнью рисковать захочет? Конец того хучжэня все помнят и боятся до сих пор!

Куй У ещё хотел добавить что-то вроде: «А уж что до постели, если мой фулан согласен, я хоть всю ночь могу!» но, вспомнив, что младшая сестра ещё не замужем, всё-таки проглотил продолжение. Правда, глазом за это время он начал так активно подмигивать Цинь Хэ, что тот не выдержал.

«...»

Цинь Хэ смотрел на него и думал: почему у его мужа глаз дёргается, и с чего это во взгляде вдруг появилось такое... неудобно-прожигающее желание?